

КИНО РОССИИ: СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

«ЗРИТЕЛЮ ВСЕГДА БУДЕТ ИНТЕРЕСНО СМОТРЕТЬ ПРО СЕБЯ И СВОИ ПРОБЛЕМЫ»

Интервью с режиссером-документалистом Владимиром Герчиковым

Татьяна Немчинская: Я знаю Ваши «Кучугуры и окрестности», которые получили большое и профессиональное, и зрительское признание, но, к сожалению, совершенно ничего не знаю о том, что было до и после них. Что Вы сейчас делаете?

Владимир Герчиков: Я много работал на телевидении в провинции – в Воронеже, Саратове, Волгограде, Нижнем Новгороде, снимал в «Экране» и вот уже 20 лет работаю в кино на вольных хлебах и как автор сценария, и как режиссер, и как продюсер. Последней моей работой было «Путешествие в декабрь» – окончание «Кучугур». Сейчас по «НТВ-Интернешнл» идет мой цикл «Семь шагов по большой воде» – путешествие по русскому Северу. И еще собираюсь путешествовать. А вообще с работой нормально. На жизнь не жалуюсь.

Т.Н.: Как Вы объясняете успех Ваших «Кучугур»? Для Вас он был неожиданностью?

В.Г.: Ну, как сказать? Три года я шел к этому. Я знал, что хочу год пожить в деревне и рассказать о жизни этих людей, вот так неторопливо, последовательно и по возможности глубоко. Я был абсолютно уверен, что это можно сделать хорошо.

Т.Н.: Почему для фильма Вы выбрали именно эту деревню?

В.Г.: Это вышло совершенно случайно. Понравилось название, что-то там от платоновского Чевенгура, плюс чисто технические обстоятельства. Было это в 95-96 году. Как я работал? Я снимал, два дня расшифровывал, потом садился в поезд, ехал монтировать в Москву, озвучивал, сдавал, ехал назад, и так, в черочной работе, в режиме почти прямого эфира, провел полтора года. Каждый месяц на Российском телевидении у меня выходило по две новых серии, а всего их было тридцать.

Т.Н.: А как Вы объясняете, почему эта работа вызвала такой интерес? Картина получила много призов на разных кино- и телевизионных фестивалях, в том числе приз Тэфи в 1996 году.

В.Г.: Я думаю, здесь было две причины. Во-первых, в те годы уже началась, а сейчас еще более углубилась тенденция не пахать глубоко, а давать поверхностные портреты героев и событий. А героями тогда заняли ведущее место на экранах. И вдруг на экране появился рядовой человек из российской глубинки. Телезритель к тому времени уже стал отвыкать от таких героев. И второе – это эффект самого телевидения. Мои герои стали телезвездами, привычными, как вечерняя газета. Прежде чем они открывали рот, их уже воспринимали с определенной симпатией. Третье – это то, что они жили не только в собственном бытовом пространстве. Они очень часто высказывались по поводу того, что происходило в стране, и делали это метко и своеобразно. Во всяком случае, думаю, не хуже Шендеровича, потому что у них набор интонаций богаче, чем у профессиональных сатириков.

А вообще достичь этого успеха было не очень сложно. У нас ведь очень поверхностное телевидение. Может быть, оно таким и должно быть, я не знаю. Мне пришлось предпринять некоторые усилия, чтобы «Кучугуры» попали на экран. Особенного энтузиазма этот проект у телевизионного начальства не вызывал – ну, идет и идет. Мне просто повезло, что люди, которые принимали решения по эфиру на среднем уровне, не сопротивлялись.

Т.Н.: А что вообще происходило в документальном кино, когда Вы снимали свои «Кучугуры»? И что сейчас происходит?

В.Г.: На мой взгляд, процесс сейчас идет в нескольких направлениях. Первое – это работа на фестивали и западный рынок. Вполне достойное применение сил, и туда, как правило, попадают люди

талантливые и яркие. Я считаю, что за последнее десятилетие мы получили несколько очень талантливых режиссеров-документалистов. В первую очередь я имею в виду Виктора Косаковского. На мой взгляд, лучшая работа, созданная за эти 10 лет – это его фильм «Среда», к сожалению, не оцененный должным образом в нашем отечестве. Это работа такой серьезности, глубины и сложности, которая превосходит многое, что еще предстоит сделать в нашей документалистике. Сложная полифония и сверхзадачи, которые решает в «Среде» режиссер, ставят перед нами такие рубежи, до которых дай Бог нам в ближайшее время дойти. Безусловно, очень талантливый и сильный человек Сергей Дворцевой. Совсем недавно у нас появился Сережа Лозница, мне очень нравится его кино, своеобразное и очень смелое. Интересно продолжают работать признанные мастера: Андрей Осипов, Юрий Шиллер, Валерий Соломин, Владимир Эйсер.

Я думаю, что этими режиссерами мы должны гордиться. Они определяют не просто направление в документалистике, но формируют язык кино, достаточно глубокий, серьезный и перспективный.

Что касается общего процесса, то здесь картина совсем иная. Мне кажется, что волна перестроечной чернухи, когда режиссеры только разоблачали и никак не пытались всерьез проанализировать рассматриваемую проблему, схлынула достаточно быстро. Ушла и та ироничная, а иной раз и издевательская интонация про «эту страну», когда авторы преподносили себя такими супердемиургами, мол: «Я-то все понимаю, а вот вам, идиотам, приходится это объяснять».

И это тоже прошло. В том ничего не было страшного, для меня это было вполне естественным явлением в начале всеобщей гласности и свободы слова. Но сегодня меня больше всего тревожит то, что на смену не пришло желание всерьез разбираться, что же происходит в нашей жизни. Да, есть интересные попытки работ на вечные темы, но мне кажется, что и

Владимир Герчиков

резкого усиления так называемых правоохранительных органов. Смотрите, сколько их сейчас появилось. Лет 10-15 назад число их стало сокращаться, некоторые государственные службы закрывались. Но вскоре выяснилось, что никуда они не ушли, а остались, только уже в качестве частных структур. Они вновь заполнили собой все. И их психология становится определяющей в настроениях общества. Люди уже привыкают к таким явлениям, как жестокость, насилие, кровь. Это очень плохо для общего здоровья нации. Но мы как будто ничего этого не замечаем.

Дальше. Вопрос собственности. У нас же никто всерьез не говорит об этом. Мы совершенно не знаем, чем мы, российский народ, и на каких правах владеем. Возьмите ту же нефть. Норвегия, у которой значительно меньше нефти, чем у нас, имеет от нее гораздо больше денег в государственном бюджете. Потому что там работают очень серьезные законы и правила игры, и все хорошо осведомлены, какой процент идет на национальные нужды, а какой – куче управленцев. У нас же эта информация – в полном мраке. Кому-то это выгодно. Я сейчас не говорю о переделе собственности, суть не в этом. Мы должны задуматься, что же с нами будет через 40 лет, когда эта нефть кончится. Это не волнует никого. Между тем это серьезная задача серьезного кино. Много и других тем, которые ждут вдумчивого аналитического внимания: преступность, которая стала общим местом в нашем обществе, детская наркомания. Если что-то об этом и появляется, то лишь в информационном срезе или, знаете, в таком стиле публицистики с заданным ответом. А я думаю, что нужно не ответы преподносить, а правильно вопросы ставить.

Т.Н.: А с чем связана такая тенденция?

В.Г.: Во-первых, очень сильно сопротивление среды, которая не хочет, чтобы ее каким-то образом расшифровывали. Это касается и отдельных людей, и целых кланов. У них главная поговорка – деньги любят тишину, и не суйтесь. Такую же тишину любят и власть. Да, мы можем где-то из-за угла что-то выкрикнуть и скорчить рожу, чуть-чуть поиздеваться, как это делают «Куклы». Но в глубь процесса нас все равно не пускают. А я считаю, что задача документалистики как раз в том и состоит, чтобы проникнуть за завесу тайны и показать, что же и почему это происходит. Не о том, что случилось, об этом нам расскажет телевидение, а о том, что происходит.

Ну, а вторая проблема – то, что наш цех в целом сегодня очень слаб в профессиональном смысле. Школы хорошей нет. Лучшие люди уходят на Запад или совсем в другие сферы. Ведь всем известно, что в документальном кино не самые высокие зарплаты, да и сама профессия не очень престижна.

Т.Н.: К документальному кино в нашей стране никогда в общем-то не относились с большим вниманием.

В.Г.: Ну, почему же? В перестроечные времена, когда вышел фильм Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?», был очень большой интерес к документалистике. А еще задолго до этого, в 60-70-е годы, очень интересно работали Луньков, Мостовой, Галантер, Беляев. Во все времена были достойные фигуры.

Но, несомненно, раньше мы были больше востребованы обществом. Может быть, потому, что чаще касались болевых точек и угадывали, что людям нужно.

Это было, собственно, и не так давно. Помните фильм Говорухина «Россия, которую мы потеряли», «Архангельский мужик» Марины Голдовской или «Беловы» Косаковского. Они брали болевые вопросы и серьезно, основательно и очень профессионально пытались их решить. Но потом власть и общество стали постепенно закрываться от досужего внимания, и это понятно.

Т.Н.: Сейчас многие отмечают, что в нашем кино начался поворот к лучшему, и, кажется, уже виден выход из того вакуума, в котором оно находилось последнее время.

В.Г.: Я бы так не утверждал. Пока единственное место, где мы можем сегодня смотреть наши документальные фильмы, это телевидение. Какова же его политика? Делается вид, будто наши телевизионные

каналы содействуют развитию документального кино. Но то, что они показывают, за исключением канала «Культура», чаще всего – совсем не кино, а откровенный эрзац. И второе – на документалистику идет наступление со стороны такого жанра, как спецрепортаж. Это почти как кино, но на самом деле совсем другое, потому что в репортаже нет ни образного мышления, ни серьезного исследования. Это репортаж на заданную тему. А заданность совершенно противопоказана искусству вообще и документалистике, в частности. Автор должен исследовать, а не навязывать чье-то или свое мнение. И получается, что все наши ниши заняты, а свою нишу мы уже не можем отвоевать ни в общественном сознании, ни на телеканалах.

Т.Н.: А зрителю нужно серьезное исследовательское документальное кино? Или его уже от этого отучили?

В.Г.: Ну, что значит отучили? Ему же не дают смотреть такое кино! Надо работать в этом направлении. Вы поставьте документальное кино на первом канале после программы «Время», и так пару дней в неделю, но только показывать надо очень качественное кино. Выстройте стратегию и через месяц-два вы увидите, что рейтинг этого показа будет превосходить рейтинги на соседних каналах. Но испортить можно и эту идею. Все зависит от качества. Должно быть вдумчивое, заинтересованное в успехе дела планирование.

Т.Н.: Вы уверены, что людям всегда интересно смотреть про себя и свои проблемы?

В.Г.: Абсолютно уверен. Документальное кино как раз этим и занимается. Но я слабо верю, что в ближайшее время произойдет что-то кардинальное в этом плане. Мне рассказали, как один телевизионный начальник смотрит предлагаемый ему фильм. Если через полторы минуты в фильме не происходит ничего, от чего волосы дыбом встают, он говорит: «Мы это не берем. Это не пойдет. Здесь зритель переключит на другой канал». Ну и что?

Т.Н.: Как это? Рейтинг упадет, рекламодатель больше не принесет свой заказ.

В.Г.: Это первая реакция привыкшего к одной и той же жвачке потребителя. Надо работать со зрителем, чтобы человек у телеэкрана начал напрягать мозги. А не хочется. Но нужно.

Т.Н.: Вы считаете, что нужно воспитывать зрителя?

В.Г.: А другого выхода нет. Документальное кино причащает думать, самостоятельно делать выводы. Это – самое главное его достоинство с точки зрения общественного влияния. Но общество этого не понимает, и мы довольно слабо это ему объясняем.

Т.Н.: А что происходит на Западе? Как там живет документалистика? Ее тоже вытесняет игровое кино?

В.Г.: У меня нет большого опыта работы с Западом. Но я знаю, что фильм Косаковского «Среда» был показан на Би-Би-Си в 21 час, а на первом французском канале – в 21.30. Этому предшествовала большая кампания в прессе. Фильм прошел в кинотеатрах 20-ти городов мира.

Т.Н.: А у нас об этом фильме, кроме критиков, пишущих о документальном кино, и профессионалов, даже никто и не слышал.

В.Г.: И слышать не хочет. Я не знаю, что тут можно сделать. В свое время Союз кинематографистов допустил большой промах. Когда были открыты отношения с властью, Союз мог стать владельцем одного из создававшихся тогда телевизионных каналов.

Т.Н.: А что, была такая возможность?

В.Г.: Было бы желание. Тогда, в 91-м году, когда шел большой передел, можно было делать все, что угодно. Тогда можно было требовать и серьезной поддержки государства. В сегодняшней ситуации, мне кажется, позиция Союза кинематографистов должна быть более активной. Необходимо определить статус члена Союза, который позволял бы профессиональным документалистам иначе себя вести на рынке. Должны быть определены минимальные ставки и иная защита со стороны Союза. Ведь сейчас кто ни попадя берет камеру и снимает. В результате мы видим колоссальное падение профессионального уровня нашего цеха. И Гильдия необходимо ответственнее относиться к своим обязанностям по защите наших прав. А другого выхода из создавшегося положения я не вижу.

Режиссер и его кучугурские герои

нашему зрителю, и обществу, и государству сегодня необходимо разбираться не столько в вечных вопросах бытия, а в том, что происходит с нашими людьми, с нашим государством, с нашей собственностью. Раньше это называлось публицистикой, а сегодня я бы это обозначил как серьезную, глубокую, документальную (не заказную!) аналитику.

Телевидение что-то пытается делать в этом направлении, но, как правило, это заказные работы, и потому авторы зависимы от тех, кто платит деньги. Это зависимость либо от рынка, либо от политической конъюнктуры. Поэтому вся эта телевизионная журналистика-документалистика не кажется мне очень серьезной. А как раз кинодокументалистам, людям относительно независимым, было бы неплохо заниматься такими серьезными проблемами, которые переживает наш народ. Например, я вижу страшную опасность в разрастании синдрома жестокости, который буквально поглощает наше общество. И это идет не только из-за чеченской войны, хотя людей в погонах или прошедших какие-то современные боины становится все больше и больше. Это идет и от количества тюрем, и числа заключенных, от

Верстка: Т. Немчинская

14.09.01